

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 339:327(1*AE::66/68)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

От торговли к geopolитике: трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Африки южнее Сахары Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН ул. Спиридоносова, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001 E-mail: tsden@hotmail.com ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьевич КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН ул. Спиридоносова, д. 30/1, г. Москва, Российской Федерации, 123001 E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. От торговли к geopolитике: трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 98–114.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

Статья поступила в редакцию 15.03.2025.
Исправленный текст представлен 12.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

АННОТАЦИЯ. В конце 2010-х – начале 2020-х годов заметно расширилось присутствие в Африке, в том числе в странах Африки южнее Сахары (АЮС), так называемых средних дер-

жав: Турции, Ирана, Катара, Королевства Саудовская Аравия (КСА), Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и других, – являющихся «центрами силы» в своих регионах и использую-

ищих конкуренцию между крупными государствами (Китаем, Индией, США, Францией и др.) в своих интересах. Они оказывают всё большее влияние на политическое и экономическое развитие африканских стран, участвуя в миротворческих миссиях и мирных переговорах, поддерживая дружественные им режимы, вмешиваясь в конфликтные ситуации, в том числе путем поставок оружия той или стороне в конфликте, а также увеличивая объемы инвестиций в наиболее важные для них отрасли африканской экономики и предоставляя большую помощь на цели развития. Одним из крупнейших геополитических игроков в Африке становится ОАЭ, активно развивающие многовекторное сотрудничество со странами континента. Благодаря географической близости и религиозной общности со многими государствами и народами Африки, а также большим объемам инвестиций и помощи в целях развития Эмираты превратились в одного из наиболее желательных партнеров стран континента, в том числе стран Африки южнее Сахары. Этому способствует и присоединение ОАЭ в 2024 г. к БРИКС. Вместе с тем, признавая позитивные эффекты экономического сотрудничества между Эмиратами и Африкой, авторы отмечают и негативные последствия вмешательства ОАЭ во внутренние дела стран континента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страны АЮС, ОАЭ, экономическое сотрудничество, политические контакты, Красное море, военно-политические конфликты.

В 2000-е годы ОАЭ, прежде всего эмирят Дубай с его относительно ограниченными – по сравнению с Абу-Даби – запасами нефти, приступили

к диверсификации своей экономики и увеличению инвестиций в ненефтяные отрасли. Африка оказалась привлекательным местом для инвестирования из-за имеющихся на континенте обширных рынков и богатых природных ресурсов; особое место в дубайской схеме экономической экспансии занимал Африканский Рог – благодаря географической близости и существовавшим веками торговым и миграционным связям. Сначала эмирятские инвесторы использовали инвестиционные возможности в таких секторах, как инфраструктура, туризм и агробизнес, позже они расширили свою деятельность на горнодобычу, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и т.д. Сельскохозяйственное производство было особенно важным для ОАЭ, импортирующих более 85% продовольствия, из-за невозможности развивать агропроизводство на своей территории в связи с нехваткой пахотных земель и неподходящим климатом [Procopio, Šok, 2024, p. 4]. Кроме того, возраставший ввоз (легальный и контрабандный) золота из Африки способствовал быстрому росту в ОАЭ золотообрабатывающей промышленности и реэкспортной торговли драгоценным металлом.

После «арабской весны» 2011 г., охватившей Северную Африку и затронувшей Ближний Восток, африканская политика ОАЭ стала более ориентированной на решение многовекторных проблем безопасности. Обеспечение, благодаря сотрудничеству с соответствующими африканскими партнерами, продовольственной безопасности стало сопровождаться и в известной мере даже вытесняться интересами военно-политического свойства: стремлением к осуществлению контроля над торговыми путями от Красного моря

и Аденского залива до Индийского океана; противостоянием Эмиратов в стратегически важных районах Африки их геополитическим соперникам, также претендующим на статус региональных/мировых центров силы: Ирану, Катару, Турции, – и даже традиционному союзнику – Королевству Саудовская Аравия; борьбой с распространением радикального ислама, препятствующего экономической и политической модернизации монархий Персидского залива.

В последние годы ОАЭ заметно расширили свое присутствие в Африке, в том числе в странах АЮС, – настолько, что оно грозит ослабить позиции на континенте не только Европы и США, но и Китая. Эмираты всё больше позиционируют себя в качестве одного из главных инвесторов и торговых партнеров африканских стран и по примеру Китая в большей степени согласуют свою политику на континенте с решением важных для африканцев задач экономического развития, отодвигая, в отличие от Запада, на второй план вопросы демократии, защиты прав человека и надлежащего управления [Procopio, Čok, 2024, р. 2], хотя в 2010–2020-е годы всё чаще проявлялось стремление ОАЭ обусловить предоставление помощи африканцам поддержкой последними эмиратаских геополитических устремлений в регионах Ближнего Востока и на Чёрном континенте.

Представляя Африке большие объемы помощи на цели развития, ОАЭ не скрывают, что их подход к сотрудничеству с кем бы то ни было всегда зиждется на pragmatizme и удовлетворении интересов собственного – эмиратаского – населения. Партнеры же, зависимые от капиталов ОАЭ, получают свою долю прибыли от реализации различных проектов в обмен на лояльность и поддержку геополитических

амбиций Эмиратов – иногда вопреки национальным интересам.

Жесткий pragmatizm проявляется и в «миротворческой» деятельности ОАЭ в странах АЮС. С одной стороны, он оправдан, так как экономические отношения, безусловно, эффективней развиваются в условиях мира и стабильности; с другой, в случае Эмиратов, – тот же самый pragmatizm побуждает их занимать ту или иную сторону в конфликте, руководствуясь не идеологией и даже не религиозными соображениями, а исключительно собственной выгодой, не беспокоясь об интересах африканцев.

Африканской политике монархий Персидского залива посвящен ряд работ российских авторов [Васильев, 2022; Хайруллин, Коротаев, 2022; Хайруллин, Коротаев, 2023; Хромова, 2023], данная же статья нацелена на выявление как позитивных, так и негативных аспектов африканской политики ОАЭ.

Экономическая экспансия ОАЭ в страны АЮС

Хотя Эмираты торговали с африканскими народами на протяжении столетий, мировой финансовый кризис 2007 г. побудил их установить более прочные коммерческие связи с Африкой и нарастить объем инвестиций в экономику континента. К тому же замедление роста западных экономик сделало быстрорастущие экономики Африки привлекательным местом для капиталовложений: ОАЭ осуществили экономическую диверсификацию и сократили зависимость от нефти, расширив объем инвестиций в африканские рынки, когда в 2014 г. цены на нефть резко упали. В свою очередь, способность Эмиратов к реализации крупных инфраструктурных проектов становится мощной приманкой

для быстро развивающихся африканских государств¹. Общее религиозное – исламское – наследие также способствовало установлению более тесных связей, поэтому, когда Запад сократил объемы своей помощи Африке, некоторые африканские страны обратились за поддержкой к монархиям Персидского залива.

При этом в отличие, например, от Китая ОАЭ в основном движимы вопросами безопасности, в том числе продовольственной, в то время как китайские компании, как правило, направляются в страны, богатые природными ресурсами [Koku, Farha, 2020]. Отчасти сближение ОАЭ с Африкой было связано с рецессией, вызванной пандемией COVID-19. В результате в начале 2020-х годов стала очевидной уязвимость Эмиратов перед сбоями в глобальных цепочках поставок и чрезмерной зависимостью от импорта продовольствия. То есть монархия столкнулась с новой геополитической реальностью [Yousef, 2022], в которой сотрудничество с АЮС могло решить многие проблемы ОАЭ.

ОАЭ входят в десятку крупнейших импортеров сырьевых и других африканских товаров. Объем ненефтяной торговли между ОАЭ и Африкой достигает 25 млрд долл. в год. С середины 2010-х годов объем торговли неуглеводородной продукцией между ОАЭ и Африканским континентом вырос на 700%². В свою очередь, объем товарооборота между ОАЭ и странами АЮС увеличился с 28 млрд долл. в 2016 г. до 67 млрд долл. в 2022 г. (без учета торговли нефтью, которая остается значительной). Список основных африканских торго-

вых партнеров Эмиратов возглавляют Южно-Африканская Республика (ЮАР), Мали, Гана, Судан и Зимбабве. В импорте ОАЭ из Африки доминируют золото, другие драгоценные металлы и камни, главным образом алмазы. Благодаря этому импорту ОАЭ сохраняют позицию одного из мировых центров торговли драгоценными камнями.

Эмираты также вывозят из Африки медь и необходимые в производстве алюминия бокситы. Главными экспортерами последних в ОАЭ являются Гвинея, Демократическая Республика Конго (ДРК) и Республика Конго. В начале 2020-х годов Суверенный фонд благосостояния Абу-Даби *Mubadala* инвестировал около 5 млрд долл. в логистику и добывчу бокситов в Гвинею для поставок этого сырья крупнейшей алюминиевой компании ОАЭ *Emirates Global Aluminum* (EGA), которая заявляла о планах построить в Гвинею завод по переработке глинозема [Procopio, Čok, 2024, р. 6] (летом 2025 г. соглашение разорвано).

В конце 2023 г. компания *International Resources Holding* (IRH), входящая в крупнейший конгломерат ОАЭ *International Holding Company* и контролируемая советником по национальной безопасности и братом президента Тахнуном бен Зайдом Аль Нахайяном, заключила с замбийской компанией *Morani Copper Mines* сделку на сумму 1,1 млрд долл. по разработке месторождения меди. Кроме того, IRH планирует расширение горнодобывающих работ в Анголе, Бурунди, ДРК, ЮАР, Танзании и Зимбабве. В октябре 2023 г. базирующаяся в Абу-Даби компания *F9 Capital* и южноафриканская QGC подписали соглашение на эксплу-

1 The Gulf's 'New Scramble for Africa' // Internationalist 360°. – 2024. – July 18. – URL: <https://libya360.wordpress.com/2024/07/18/the-gulfs-new-scramble-for-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

2 The United Arab Emirates and Africa – partners in growth and job creation // Business Day. – 2023. – March 2. – URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/opinion/2023-03-02-zhann-meyer-the-united-arab-emirates-and-africa-partners-in-growth-and-job-creation> (дата обращения: 04.03.2025).

атацию никелевых и медных рудников в ЮАР [Procopio, Čok, 2024, p. 18].

Расширение торговых потоков и необходимость обеспечения их безопасности стали главными (наряду с geopolитическими соображениями) стимулами к участию ОАЭ в развитии в Африке транспортной, прежде всего портовой, инфраструктуры. В общей сложности в 2010–2020-е годы Эмираты получили контроль примерно над 20 африканскими морскими портами, в основном благодаря компании *Dubai Port (DP) World*, которая начала свою деятельность в Африке после приобретения в 2006 г. британской логистической фирмы *P&O*³, что позволило ей получить концессии в портах Дакара (Сенегал), Мапуту (Мозамбик), Луанды (Ангола) и Дорале (Джибути, в 2017 г. концессия была аннулирована из-за связанных с *DP World* коррупционных скандалов⁴).

Экспансия компаний в странах АЮС начала набирать обороты с 2016 г., когда вмешательство ОАЭ в конфликт в Йемене и усиление geopolитической конкуренции с другими региональными игроками вынудили Эмираты применить более агрессивный подход к проблеме обеспечения контроля над красноморскими портами. *DP World* удалось получить концессии на расширение и эксплуатацию портов Бербера (Сомалиленд) и Босасо (Пунтленд). В настоящее время компания располагает семью морскими портами (в Анголе, Мозамбике, Сенегале, Танзании и тремя в Сомали, включая

де-факто самоуправляющиеся территории) и двумя сухими портами (терминалами) (в Руанде и ЮАР). Порт в устье реки Конго в ДРК возводился в 2022 г. и запущен в 2025 г.⁵

В феврале 2025 г. было подписано соглашение между *DP World* и правительствами Эфиопии и Сомалиленда, в соответствии с которым Аддис-Абеба становится одним из акционеров порта Бербера. *DP World* будет владеть 51% акций, Сомалиленд – 30%, а Эфиопия – оставшимися 19%. То есть благодаря ОАЭ Эфиопия в известной мере сможет решить важнейшую проблему на пути ее развития – отсутствие выхода к морю, и можно предположить, что подписанное соглашение, с одной стороны, приведет к большей сплоченности стран-партнеров в рамках БРИКС, с другой – усилит зависимость Эфиопии от отношений с ОАЭ.⁶

Интересно, что главным «оперником» *DP World* в Африке является эмирская же компания *Abu Dhabi Ports (ADP)*, которая контролируется *Abu Dhabi Developmental Holding Company PJSC* под председательством брата президента (советника по национальной безопасности) Тахнуна бен Зайда Аль Нахайяна. В 2013 г. *ADP* выиграла свою первую африканскую концессию на расширение и управление портом Камсар в Гвинее в партнерстве с *Mubadala* и компанией *Emirates Global Aluminiun*, которые инвестировали в добычу бокситов и нуждались в модернизации порта для отправки продукции в ОАЭ. К 2022 г. *ADP* совместно

3 DP World Primer // New Silk Road Monitor. – 2019. – June 5. – URL: <https://newsilkroadmonitor.com/2019/06/05/dp-world-primer> (дата обращения: 04.03.2025).

4 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

5 Tshisekedi launches construction of Congo's first deep-water port // Reuters. – 2022. – January 31. – URL: <https://www.reuters.com/world/africa/tshisekedi-launches-construction-congos-first-deep-water-port-2022-01-31> (дата обращения: 04.03.2025).

6 Ethiopia acquires 19% stake in DP World Berbera Port // Khaleej Times. – 2025. – February 14. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/ethiopia-acquires-19-stake-in-dp-world-berbera-port> (дата обращения: 04.03.2025).

с Африканской финансовой корпорацией (*Africa Finance Corporation, AFC*; создана в 2007 г., инвестирует в африканскую инфраструктуру) вложила более 10 млрд долл. в инфраструктурные проекты в 37 африканских странах. *ADF* и *AFC* финансировали первую углеродно-нейтральную промышленную зону в Африке *Nkok Special Economic Zone*, благодаря которой Габон стал крупнейшим экспортёром деревянного шпона с ежегодным доходом 1 млрд долл., на производстве которого занято более 30 тыс. человек⁷.

Помимо Гвинеи, *ADF* изначально сосредоточилась на Египте и Африканском Роге, но затем стала распространять свою деятельность на весь континент. В частности, компания приобрела долю в эксплуатации терминала Луанды в Анголе, подписала 30-летнее концессионное соглашение с правительством Республики Конго на эксплуатацию многоцелевого терминала *New East Mole* в Пуэнт-Нуаре и меморандумы о взаимопонимании в портовой сфере с Эфиопией, Мадагаскаром, Мавриkiem и Суданом [*Procopio, Čok, 2024, p. 10*].

С 2015 г. ОАЭ заключили или ратифицировали двусторонние договоры с большинством африканских государств, распределяя инвестиции между сельским хозяйством, гостиничным бизнесом, нефтегазовой отраслью, инфраструктурой, горнодобычей, ИКТ и зеленой энергетикой. С 2016 по 2020 г. ОАЭ вложили в Африку 23,8 млрд долл., будучи тогда вторым (наряду с США) или третьим по ве-

личине на континенте инвестором, уступившим только Китаю. В страны Африки южнее Сахары примерно за тот же период (с 2016 по 2021 г.) Эмираты вложили 1,2 млрд долл.⁸ В 2019–2023 гг. суммарная стоимость инвестиционных проектов эмирятских компаний в Африке достигала 110 млрд долл., что сделало ОАЭ в те годы крупнейшим иностранным инвестором на континенте⁹. В 2022 г. Эмираты инвестировали в Чёрный континент в общей сложности 50 млрд долл. – в 2 раза больше, чем Франция, и в 7 раз больше, чем США. Основными получателями эмирятских средств оказались Египет и ЮАР [*Procopio, Čok, 2024, p. 9*].

В настоящее время ОАЭ реализуют наибольшее число инвестиционных проектов в АЮС – 55, причем 45 из них являются проектами государственных предприятий [*Koku, Farha, 2020*].

Как уже было сказано, инвестиции ОАЭ сосредоточены во многих областях. Например, телефонная компания *Etisalat* (недавно переименованная в *e&*, основной акционер *Vodafone*) присутствует в 11 африканских странах. В горнодобывающей сфере правительство ДРК в декабре 2022 г. заключило соглашение с компанией *Primera Gold* (Абу-Даби), 55% которой принадлежат Абу-Даби и 45% – ДРК, в целях добычи и экспорта золота из восточных районов Конго. Кроме того, ведутся переговоры о расширении соглашения на эксплуатацию других полезных ископаемых, имеющих высокую стратегическую ценность, таких как колум-

⁷ AD Ports Group Signs Collaboration Agreement with Africa Finance Corporation // AD Ports Group. – 2022. – December 7. – URL: <https://www.adportsgroup.com/en/news-and-media/2022/12/07/ad-ports-group-signs-collaboration-agreement-with-africa-finance-corporation> (дата обращения: 04.03.2025).

⁸ The United Arab Emirates and Africa – partners in growth and job creation // Business Day. – 2023. – March 2. – URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/opinion/2023-03-02-zhann-meyer-the-united-arab-emirates-and-africa-partners-in-growth-and-job-creation> (дата обращения: 04.03.2025).

⁹ UAE becomes Africa's biggest investor amid rights concerns // The Guardian. – 2024. – December 24. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/24/uae-becomes-africa-biggest-investor-amid-rights-concerns> (дата обращения: 04.03.2025).

бит и танталит¹⁰ [Kohnert, 2023b, p. 15]. В 2023 г. *Primera Group* объявила об инвестировании 1,9 млрд долл. в государственную конголезскую компанию *Société Aurifère du Kivu et du Maniema* для получения на 25 лет эксклюзивных прав на добычу и экспорт олова, тантала, вольфрама и золота, добываемых в восточной части ДРК¹¹.

Государственные нефтегазовые фирмы *Abu Dhabi National Oil Corporation* (*ADNOC*) и *Emirates National Oil Company* (*ENOC*) инвестируют в странах АЮС в переработку нефти и газа, одновременно расширяя экспорт нефтепродуктов и поддерживая государства региона в удовлетворении ими своих энергетических потребностей. Например, когда в 2023 г. из-за высоких цен на нефть Кения столкнулась с дефицитом топлива, *ADNOC* и *ENOC* предоставили ей нефтепродукты в кредит [*Procopio, Čok*, 2024, p. 13].

Эмираты становятся всё более привлекательным партнером для африканских стран и в области так называемого зеленого перехода. При этом в отличие от стран Европейского союза, выступающих за быстрый отказ от ископаемого топлива, ОАЭ отдают предпочтение «постепенному его вытеснению», что, безусловно, объясняется нежеланием крупной нефтедобывающей страны отказываться от больших экспортных доходов. Тем не менее, чтобы оставаться «в тренде», в 2023 г. Эмираты приступили к реализации программы *Etihad 7*, нацеленной на обеспечение к 2035 г. 100 млн африканцев чистой энергией.

Финансирование осуществляется эмираторскими компаниями *Masdar*, *AMEA Power*, Фондом развития Абу-Даби и *Etihad Credit Insurance*. В том же 2023 г. ОАЭ выделили 4,5 млрд долл. на поддержку африканских экономик в процессе зеленого перехода¹². Естественно, приход ОАЭ на континент в качестве крупного финансиста весьма привлекателен для африканских стран, давно критикующих Глобальный Север за несоблюдение обязательств по поддержке энергетического перехода Африки.

Однако есть и другая сторона медали. Наряду с Саудовской Аравией и Катаром ОАЭ являются одним из основных приобретателей крупных африканских земельных массивов и владеют большими участками в Нигерии, Намибии, Марокко и Гане; в Судане эмираторские инвесторы приобрели более 400 тыс. га¹³.

В свою очередь, *Blue Carbon* – частная компания шейха Ахмеда аль-Мактума, члена правящей семьи Дубая, – подписала соглашения о контроле над обширными участками земли, площадь которых достигает 10% суши в Либерии, Замбии и Танзании и 20% в Зимбабве. Предполагалось использовать эту землю для реализации проектов по компенсации выбросов углерода – всё более популярной практики, которая, по утверждениям ее сторонников, поможет справиться с климатическими изменениями. Однако африканские экологические и правозащитные организации осудили «захват земель во имя смягчения климатических по-

10 Abu Dhabi's grand gold and coltan designs in the DRC // Africa Intelligence. – 2023. – April 6. – URL: <https://www.africaintelligence.com/central-africa/2023/04/06/abu-dhabi-s-grand-gold-and-coltan-designs-in-the-drc,109932235-eve> (дата обращения: 04.03.2025).

11 UAE signs \$ 1.9bn mining deal with the Democratic Republic of Congo // Mining Technology. – 2023. – July 18. – URL: <https://www.mining-technology.com/news/uae-congo-mining-deal> (дата обращения: 04.03.2025).

12 UAE: A catalyst for the development of African countries // UAE News. – 2022. – August 23. – URL: <https://uaetimes.ae/uae-a-catalyst-for-the-development-of-african-countries> (дата обращения: 04.03.2025).

13 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

следствий» – прежде всего потому, что он требовал переселения местных общин. Например, в Восточной Кении община огиек была изгнана в ноябре 2023 г. из мест ее обитания после переговоров между кенийскими властями и *Blue Carbon*, вызвавших недовольство населения. Протесты вспыхнули и в Либерии, где их участники утверждали, что проект *Blue Carbon* не только нарушает земельные права коренных народов, закрепленные в либерийском законодательстве, но и разрушает экологию страны¹⁴.

То есть ОАЭ, позиционирующие себя активными защитниками африканского населения и африканской природы, о чем якобы свидетельствовали проведение в 2023 г. в Дубае очередной (28-й) Конференции ООН по изменению климата, приверженность Эмиратов зеленому энергетическому переходу, их участие в климатических инициативах АЮС и проектах по использованию возобновляемой энергии, когда речь идет о коммерческих выгодах, отодвигают экологические и социальные проблемы на второй план.

Справедливости ради следует отметить, что привлекательность сотрудничества с ОАЭ для африканских стран обусловлена и тем, что скорость передачи Эмиратами средств на реализацию того или иного проекта резко контрастирует с долгими процессами консультаций и перевода финансов из Европы, особенно из государственных источников. Кроме того, предприниматели из ОАЭ демонстрируют большую, нежели европейские и американские бизнесмены, склонность к риску, что позволяет им поддерживать проекты, от которых западные компании обычно уклоняются; арабы же поддерживают инициативы, которые могут окунуться в будущем.

Между тем разные уровни экономического развития Эмиратов и стран АЮС позволяют ОАЭ оказывать давление на принимающие страны, влиять на их внутреннюю и внешнюю политику и создавать ощущение зависимости, которое зачастую сложно преодолеть [Mwangi, 2024].

ОАЭ как политический «партнер» африканских стран

Экономические успехи ОАЭ в странах АЮС в известной мере маскируют их стремление к усилению политического влияния на Ближнем Востоке и в Африке. Более того, религиозная общность со странами, например, Африканского Рога в основном используется для агрессивного вмешательства в их внутренние дела [Kourgiotis, 2020].

ОАЭ рассматривают безопасность, в том числе судоходства на Красном море, как гарантию внутренней политической стабильности, безопасности и удовлетворения экономических интересов. Именно этим целям служит расширение Эмиратами своего политического влияния на обоих берегах стратегически важной акватории. Кроме того, ОАЭ рассматривают Африку и, в частности, регион АЮС как своего рода полигон для исследования различных видов вмешательства, способствующих укреплению статуса ОАЭ как регионального или даже мирового центра силы. Для этого они открывают новые посольства, все чаще выступают в качестве важных игроков в делах континента и позиционируют себя как не-примиримых борцов с терроризмом и исламским экстремизмом.

До середины 2010-х годов отношения ОАЭ со странами АЮС были преимущественно сосредоточены на пре-

14 The Gulf's 'New Scramble for Africa' // Internationalist 360°. – 2024. – July 18. – URL: <https://libya360.wordpress.com/2024/07/18/the-gulf-s-new-scramble-for-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

доставлении официальной помощи развитию (ОПР). Блокада и разрывы в 2017 г. дипломатических отношений с Катаром (поддерживавшим исламистов в лице «Братьев-мусульман»¹⁵), противостояние с Турцией и другие ближневосточные события привели к кризису в регионе Персидского залива – столь важному для африканских партнеров «восходящих азиатских держав», что этим событиям и возможной реакции на них в январе 2018 г. был посвящен специальный саммит Африканского союза, отчасти потому, что именно Африка стала регионом, в котором с особой силой столкнулись интересы ее ближневосточных партнеров. При этом Турция, хотя и выделяет мусульманским странам не меньшие, а зачастую и большие объемы ОПР, нежели Эмираты, она, не будучи арабской страной, в меньшей степени могла использовать фактор религиозно-культурной близости с африканскими государствами, такими как Сомали, Эритрея и Судан, где арабское влияние устанавливалось веками [Mugurtay, Muftuler-Bac, 2022].

Следует отметить, что принципы распределения Эмиратами ОПР заметно отличаются от подобных действий не только Запада, но и Китая. Представление ОАЭ помощи африканским странам сопровождается подписанием с ними военных соглашений, благодаря чему Эмираты заметно расширили свое присутствие на Африканском Роге, прежде всего в Эритрее, Джибути, Сомалиленде и Сомали. Главным мотивом подобной активизации ОАЭ во второй половине 2010-х годов стала война с Йеменом, которая началась в 2014 г. и

в которую в той или иной степени оказались вовлечеными страны не только Африканского Рога, но и некоторые государства Восточной Африки: в 2020 г. Абу-Даби вел переговоры с Кампалой относительно отправки в Йемен угандийских солдат [Heibach, 2020].

Конфликт в Йемене сделал регион Африканского Рога зоной особого внимания ОАЭ. В начале конфликта власти Эмиратов были встревожены маневрированием повстанцев-хуситов вокруг Баб-эль-Мандебского пролива, через который проходят торговые маршруты Эмиратов¹⁶. Чтобы обезопасить их путем военного развертывания на юеменском побережье, ОАЭ пришлось положиться на своих африканских партнеров, главным из которых сначала было государство Джибути, которое в 2008 г. доверило DP World управление портом Дорале. Однако во второй половине 2010-х годов из-за коррупционных скандалов двусторонние отношения ухудшились и DP World была изгнана из Джибути¹⁷, после чего Эмираты начали использовать эритрейский порт Асэб, где, в частности, для ВВС ОАЭ была построена взлетно-посадочная полоса [Костелянец, 2016]. В разгар участия Эмиратов в юеменском конфликте база Асэб стала плацдармом для военных операций в Адене (2015), Мукалле (2016) и Ходейде (2018).

Хотя Эмираты, как и другие монархии Персидского залива, имеют исторические связи с Африканским Рогом, в том числе благодаря масштабным миграциям африканцев в ОАЭ, в последние годы важным компонентом их африканской политики стала борьба

15 Организация запрещена в России.

16 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

17 Ibid.

с исламистскими структурами, прежде всего с «Братьями-мусульманами».

Потрясения на Ближнем Востоке – подъем «Исламского государства»¹⁸, крах режима Муаммара Каддафи в Ливии, падение правительства Башара Асада в Сирии, нестабильность в Египте и опасения по поводу растущего влияния Ирана в регионе – сформировали в некоторых монархиях Персидского залива своего рода осадный менталитет. ОАЭ, как и КСА, начали воспринимать распространение радикального ислама в Азии и Африке как экзистенциальную угрозу, особенно важную в связи с тем, что конфликты в арабском мире становятся всё более взаимосвязанными и события в одной стране перекидываются на другие¹⁹. Отчасти именно поэтому ОАЭ пытаются реализовать в странах АЮС то, что некоторые исследователи называют «египетской моделью», предполагающей комплексную – дипломатическую, военную и финансовую – поддержку режимов, которые рассматриваются Эмиратаами в качестве наиболее способных сдерживать исламистскую угрозу [Guijarro, 2023, p. 7]. В результате ОАЭ начали постепенно отказываться от «китайской» модели сотрудничества, отличающейся невмешательством во внутренние дела партнеров, и ставить предоставление ОПР и инвестиций в зависимость от степени поддержки африканскими странами эмирской антиисламистской повестки.

Отчасти в этом ключе можно рассматривать действия ОАЭ в Судане.

В 2019 г. Эмираты оказали финансовою помощь оппозиции и суданским антиправительственным вооруженным группировкам в свержении многолетнего президента страны Омара аль-Башира и его исламистского правительства, тем самым в известной мере спровоцировав начало в 2023 г. гражданской войны [Kohner, 2023a], основными участниками которой стали Суданские вооруженные силы (СВС) и военизированные Силы быстрой поддержки (СБП), которым ОАЭ поставляют через Чад стрелковое оружие, боеприпасы, минометы, беспилотные боевые летательные аппараты и зенитные ракеты²⁰. Впрочем, поддержка СБП Эмиратаами объясняется и тем, что с контролируемыми ими территорий в ОАЭ поступает часть добываемого там золота [Sharp, 2024, p. 18]. Между тем, отрицая свою помощь СБП, Эмираты указывают на то, что с 2023 г. они предоставили Переходному совету Абделя Фаттаха аль-Бурхана помочь в размере 200 млн долл.²¹ То есть защита собственных интересов даже в ущерб африканским народам становится главным принципом внешней политики ОАЭ.

Между тем в попытке ослабить влияние своих региональных соперников в районах Красного моря и Африканского Рога ОАЭ начали проводить более активную политику в отношении соответствующих стран, в том числе немусульманских. В Эфиопии, например, этому способствовал приход в 2018 г. к власти нового премьер-ми-

18 Организация запрещена в России.

19 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

20 Full Text: UN Panel of Experts Report on Sudan // Sudan War Monitor. – 2024. – January 24. – URL: <https://martinplaut.com/2024/01/24/full-text-un-panel-of-experts-report-on-sudan> (дата обращения: 04.03.2025).

21 'Smoking gun' evidence points to UAE involvement in Sudan civil war // The Guardian. – 2024. – July 25. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/article/2024/jul/25/smoking-gun-evidence-points-to-uae-involvement-in-sudan-civil-war> (дата обращения: 04.03.2025).

нистра Абия Ахмеда, реформистские взгляды которого импонировали ОАЭ²². Эмираты укрепляли свои отношения с Эфиопией посредством официальных визитов, финансовой поддержки, а также путем содействия в подписании в 2018 г. мирного соглашения между Эфиопией и Эритреей, одновременно пообещав Аддис-Абебе помочь в размере 3 млрд долл., а Асмэре – лоббирование отмены международных санкций²³. Следует отметить, однако, что дипломатия ОАЭ, основанная на принципе «мир за деньги», не способствовала полной стабилизации эфиопско-эритрейских отношений²⁴. Кроме того, в ситуации с Эфиопией есть еще один аспект: расширение политического, экономического и военного присутствия ОАЭ в регионе в большей степени послужило укреплению позиций Эритреи – союзника Эмиратов в йеменском конфликте – и в известной мере подорвало усилия Аддис-Абебы по продвижению своего регионального лидерства [Feierstein, 2020, р. 10].

Но если дипломатия и помощь Эмиратов, а также Саудовской Аравии сыграли решающую роль в достижении перемирия между Эфиопией и Эритреей, то в других местах страны Персидского залива сыграли менее конструктивную роль.

Как уже упоминалось выше, с июня 2017 г. страны Залива были разделены конфликтом между Катаром и «арабским квартетом» (Саудовская Аравия,

ОАЭ, Бахрейн и Египет), которые установили блокаду Катара. Считается, что главной причиной раскола было недовольство «квартета» поддержкой Дохой исламистских движений, прежде всего «Братьев-мусульман», на Ближнем Востоке и благосклонное отношение Катара к Ирану. Представляется, однако, что немалую роль могло сыграть и соперничество Катара и ОАЭ в борьбе за статус «крупнейшего финансового центра» региона [Booiyouri, Selmi, 2020].

Кризис в Персидском заливе 2017 г., в результате которого КСА, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали отношения с Катаром, подтолкнул лидеров по обе стороны раскола к усилению своих альянсов, в том числе на Африканском Роге. Правительству Сомали, например, пришлось выбирать, кого из важных экономических партнеров поддержать: Доху или Абу-Даби. То есть растущее экономическое и военное присутствие монархий в регионе способствовало еще большей его дестабилизации²⁵. Лишь сближение между Катаром, КСА и ОАЭ в январе 2021 г., положившее конец блокаде Катара, позволило африканским странам улучшить свои отношения с обеими сторонами [Samaan, 2021].

То есть, с одной стороны, растущее присутствие ОАЭ в странах АЮС приносит такие выгоды, как расширение торговли, развитие инфраструктуры и достижение мирных соглашений между недавними противниками; с другой –

22 Ethiopia welcomes stronger ties with UAE // Gulf News. – 2018. – September 15. – URL: <https://gulfnews.com/uae/government/ethiopia-welcomes-stronger-ties-with-uae-1.1161671> (дата обращения: 04.03.2025).

23 Saudi Arabia and the UAE look to Africa // The Cairo Review of Global Affairs. – 2018. – December 13. – URL: <https://www.thecairoreview.com/tahrir-forum/saudi-arabia-and-the-uae-look-to-africa> (дата обращения: 04.03.2025); The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

24 Ethiopia acquires 19% stake in DP World Berbera Port // Khaleej Times. – 2025. – February 14. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/ethiopia-acquires-19-stake-in-dp-world-berbera-port> (дата обращения: 04.03.2025).

25 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

развиваются клиентские отношения, которые вынуждают африканские государства выбирать ту или иную сторону в ближневосточном конфликте²⁶: Джибути и Эритрея поддерживали блокаду Катара, Судан и Сомали постарались остаться нейтральными, а Эфиопия и Кения метались из одной стороны в другую [Heibach, 2020].

В 2020-е годы Эмираты усилили свое присутствие в зоне Сахеля, передав более 30 млн долл. боровшейся с исламистами группе *G5 Sahel*. Они также создали Колледж обороны *G5 Sahel* в Нуакшоте и финансируют проекты по развитию военного потенциала местных армий [Guijarro, 2023, p. 11].

Заключение

Можно выделить несколько факторов, предопределивших рост в 2010–2020-е годы интереса ОАЭ к Африканскому континенту. Прежде всего, Эмиратаам необходимо было укрепить свою экономику после шока, вызванного пандемией *COVID-19*, затронувшей такие важные для арабских государств Залива отрасли, как авиация, логистика и туризм, а также падением цен на нефть. Именно поэтому они начали отдавать приоритет внешнеэкономическим связям, и Африка с ее потребительским рынком более чем в 1 млрд человек, растущим средним классом, неудовлетворенными потребностями в инфраструктуре (в том числе энергетической и транспортной) и богатыми природными ресурсами предоставила ОАЭ массу возможностей.

Кроме того, призывы Запада к зеленому переходу вызвали у стран Персидского залива опасения по поводу долгосрочной значимости нефтедобы-

вающих стран на фоне усилившегося вывоза Китаем из Африки стратегических минералов. Всё это побудило ОАЭ расширить свое участие в ненефтяных секторах, в том числе в производстве возобновляемой энергии и новых технологий. Африка, благодаря ее солнечному и ветровому потенциалу, а также большим запасам полезных ископаемых, необходимых для создания зеленых, цифровых и оборонных технологий, стала удобным местом для капиталовложений. В свою очередь, растущая потребность континента в доступе к энергии и перспективы резкого роста ее потребления быстро-растущими экономиками также предоставили Эмиратаам возможности для расширения своей доли африканского энергетического рынка.

Наконец, реконфигурация мирового порядка и эскалация напряженности в отношениях между мировыми державами предопределили появление у ОАЭ новых стимулов для усиления своей роли на международной арене. С этой целью они начали диверсифицировать свои стратегические альянсы, особенно с нетрадиционными союзниками на Глобальном Юге, в том числе с входящими в группу БРИКС, к которой ОАЭ присоединились в январе 2024 г. Эмираты также смогли извлечь пользу из растущего недовольства африканцев Западом, особенно Европой, из-за их «патерналистского» вмешательства во внутренние дела Африки и разграбления ресурсов континента. Это недовольство, не будучи новым явлением, усилилось в последние годы и нашло поддержку во всё более доступных альтернативных моделях взаимодействия, ориентирующих Китай и монархии Персидского залива на экономическое

²⁶ Et si les pays du Golfe utilisaient l'Afrique comme théâtre de guerre par procuration // Le Point. – 2018. – October 10. – Франц. яз. – URL: https://www.lepoint.fr/afrique/et-si-les-pays-du-golfe-utilisaient-l-afrigue-comme-theatre-de-guerre-par-procuration-23-10-2018-2265083_3826.php (дата обращения: 04.03.2025).

развитие и сотрудничество с Россией в сфере безопасности.

В 2021 г. был назначен первый государственный министр (представитель правящей семьи Абу-Даби), ответственный за сотрудничество с Африкой. Ему удалось создать обширную сеть контактов с африканскими лидерами и в 2022–2023 гг. встретиться с президентами ДРК, Республики Конго, Гвинеи, Мозамбика, ЮАР, Танзании, Уганды, Замбии и Зимбабве, что свидетельствовало о намерении ОАЭ укреплять отношения со всеми странами континента, а не только Африканского Рога.

Президент ОАЭ Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян также в 2023 г. провел встречи с президентом ДРК Феликсом Чисекеди в Абу-Даби, а в Эфиопии с премьер-министром Абием Ахмедом. Последняя произошла в рамках его первого официального визита в страны АЮС. В обоих случаях было подписано несколько соглашений, касающихся сотрудничества в ряде секторов, в том числе в энергетике и горнодобывающей промышленности.

Между тем, развивая сотрудничество со странами АЮС, ОАЭ проявляют жесткий pragmatism, возможно, оправданный в современной geopolитической ситуации, но нацеленный на извлечение максимальной выгоды из политического и экономического партнерства с государствами континента, нередко в ущерб их интересам.

Список литературы

Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 9. – С. 53–69. – DOI: 10.31857/S032150750021786-6.

Костелянец С.В. Африканский фактор в юеменском конфликте // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 5. – С. 29–34.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Каирско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 4. – С. 29–36. – DOI: 10.31857/S032150750019730-5.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 9. – С. 27–35. – DOI: 10.31857/S032150750027592-3.

Хромова Н.Г. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 6. – С. 62–69. – DOI: 10.31857/S032150750026138-3.

Bouoiyour J., Selmi R. The Gulf Divided: Economic Effects of the Qatar Crisis // Economic Research Forum. – 2020. – January 13. – URL: <https://theforum.erf.org.eg/2020/01/13/gulf-divided-economic-effects-qatar-crisis> (дата обращения: 20.02.2025).

Feierstein G.M. The Impact of Middle East Regional Competition on Security and Stability in the Horn of Africa // Middle East Institute. – 2020. – 17 p. – URL: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2020-08/The%20Impact%20of%20Middle%20East%20Regional%20Competition%20on%20Security%20and%20Stability%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Guizarro O.G. Emiratis, Saudis and Qatars Cross the Red Sea: What are the Gulf Monarchs Doing in Africa? // IEEE. – 2023. – 21 p. – URL: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2023/DIEEEA45_2023_OSCGAR_Emiratos_ENG.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Heibach J. Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles // Middle East Policy. – 2020. – Vol. 27, N 2. – P. 69–80. – DOI: 10.1111/mepo.12495.

Kohnert D. On the Impact of the 2023 Sudanese War on Africa and Beyond // SSRN. – 2023a. – June 10. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4643258.

Kohnert D. The Impact of Foreign Relations Between Sub-Saharan Africa and the Arab Gulf States on African Migrants in the Region // SSRN. – 2023b. – November 24. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4643258.

Koku P.S., Farha A.A. Other Sources of FDIs in Sub-Saharan Africa: The Case of Gulf Cooperation Council States // Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 119, N 2. – P. 619–626. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.045.

Kourgiotis P. 'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment // Religions. – 2020. – Vol. 11, N 1. – Article 43. – DOI: 10.3390/rel11010043.

Mugurtay N., Muftuler-Bac M. Turkish Power Contestation with the United Arab Emirates: an Empirical Assessment of Official Development Assistance // International Politics (The Hague). – 2022. – Vol. 60, N 3. – P. 659–684. – DOI: 10.1057/s41311-022-00422-8.

Mwangi J. Growing Influence of Gulf States in Eastern Africa and Implications on Regional Security // Mashariki Research and Policy Centre. – 2024. – July 5. – URL: <https://masharikirpc.org/growing-influence-of-gulf-states-in-eastern-africa-and-implications-on-re>

gional-security (дата обращения: 20.02.2025).

Procopio M., Čok C. Beyond Competition: How Europe can Harness the UAE'S Energy Ambitions in Africa // European Council on Foreign Relations. – 2024. – 27 p. – URL: <https://ecfr.eu/publication/beyond-competition-how-europe-can-harness-the-uaes-energy-ambitions-in-africa> (дата обращения: 20.02.2025).

Samaan J.L. The United Arab Emirates in Africa: The Partly Thwarted Ambitions of a New Regional Player // IFRI. – 2021. – 25 p. – URL: <https://coilink.org/20.500.12592/wxb8t1> (дата обращения: 20.02.2025).

Sharp J.M. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy // Congressional Research Service. – 2024. – August 8. – 23 p. – URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Yousef T.M. Deepening Gulf Engagement with Sub-Saharan Africa // Foresight Africa. Top priorities for the continent in 2022. – [S. l.] : Africa Growth Initiative, 2022. – P. 115–117. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/01/foresightafrica2022_fullreport.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

From Trade to Geopolitics: The Transformation of the UAE's Role in Sub-Saharan Africa

Tatyana S. DENISOVA

PhD (History), Leading Researcher, Head of the Centre for the Study of Africa South of Sahara

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political Science Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2025). From Trade to Geopolitics:The Transformation of the UAE's Role in Sub-Saharan Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 98–114 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

Received: 15.03.2025.

Revised: 12.04.2025.

ACKNOWLEDGEMENTS. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

ABSTRACT. In the late 2010s to early 2020s, the presence of so-called "middle powers" in Africa, including Sub-Saharan Africa (SSA), significantly expanded. Countries such as Turkey, Iran, Qatar, Saudi Arabia, the United Arab Emirates (UAE), and others, which act as regional "centers of power," have leveraged competition among

major global states (China, India, the U.S., France, etc.) to advance their interests. These middle powers increasingly influence the political and economic development of African nations by participating in peace-keeping missions and peace negotiations, supporting allied regimes, intervening in conflicts (including through arms supplies

to conflicting parties), and boosting investments in key sectors of African economies while expanding development assistance. The UAE has emerged as one of the largest geopolitical players in Africa, actively pursuing multidimensional cooperation with countries across the continent. Geographic proximity, religious ties with many African states and peoples, substantial investments, and development assistance have positioned the Emirates as one of the most desirable partners for African nations, including SSA states. This status is further reinforced by the UAE's accession to BRICS in 2024. While acknowledging the positive effects of UAE-Africa economic cooperation, the authors also highlight the negative consequences of the Emirates' interference in the internal affairs of African countries.

KEY WORDS: Sub-Saharan African countries, UAE, economic cooperation, political contacts, Red Sea region, military-political conflicts.

References

- Bouoiyour J., Selmi R. (2020). The Gulf Divided: Economic Effects of the Qatar Crisis. *Economic Research Forum*. January 13. Available at: <https://theforum.erf.org.eg/2020/01/13/gulf-divided-economic-effects-qatar-crisis>, accessed 20.02.2025.
- Feierstein G.M. (2020). *The Impact of Middle East Regional Competition on Security and Stability in the Horn of Africa*. Middle East Institute, 17 pp. Available at: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2020-08/The%20Impact%20of%20Middle%20East%20Regional%20Competition%20on%20Security%20and%20Stability%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf>, accessed 20.02.2025.
- Guíjarro O.G. (2023). *Emiratis, Saudis and Qatars Cross the Red Sea: What are the Gulf Monarchies Doing in Africa?* IEEE, 21 pp. Available at: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2023/DIEEEA45_2023_OSCGAR_Emiratos_ENG.pdf, accessed 20.02.2025.
- Heibach J. (2020). Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles. *Middle East Policy*. Vol. 27, no. 2, pp. 69–80. DOI: 10.1111/mepo.12495.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2022). Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Alliance: Struggle for Influence in Sudan. *Asia and Africa Today*. No. 4, pp. 29–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750019730-5.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2023). UAE in the Struggle for Regional Leadership. *Asia and Africa Today*. No. 9, pp. 27–35 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750027592-3.
- Khromova N.G. (2023). The Arab Countries of the Persian Gulf as “New Donors” in the World Economy. *Asia and Africa Today*. No. 6, pp. 62–69 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750026138-3.
- Kohnert D. (2023a). *On the Impact of the 2023 Sudanese War on Africa and Beyond*. SSRN, June 10, 32 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4643258.
- Kohnert D. (2023b). *The Impact of Foreign Relations Between Sub-Saharan Africa and the Arab Gulf States on African Migrants in the Region*. SSRN, November 24, 32 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4643258.
- Koku P.S., Farha A.A. (2020). Other Sources of FDIs in Sub-Saharan Africa: The Case of Gulf Cooperation Council States. *Journal of Business Research*. Vol. 119, no. 2, pp. 619–626. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.045.
- Kostelyanets S.V. (2016). The African Factor in the Yemen Conflict. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 29–34 (in Russian).
- Kourgiotis P. (2020). ‘Moderate Islam’ Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment. *Religions*. Vol. 11, no. 1, article 43. DOI: 10.3390/rel11010043.
- Mugurtay N., Muftuler-Bac M. (2022). Turkish Power Contestation with the United Arab Emirates: an Empirical Assessment of Official Development Assistance.

- International Politics (The Hague)*. Vol. 60, no. 3, pp. 659–684. DOI: 10.1057/s41311-022-00422-8.
- Mwangi J. (2024). *Growing Influence of Gulf States in Eastern Africa and Implications on Regional Security*. Mashariki Research and Policy Centre, July 5. Available at: <https://masharikirpc.org/growing-influence-of-gulf-states-in-eastern-africa-and-implications-on-regional-security>, accessed 20.02.2025.
- Procopio M., Čok C. (2024). *Beyond Competition: How Europe can Harness the UAE'S Energy Ambitions in Africa*. European Council on Foreign Relations, 27 pp. Available at: <https://ecfr.eu/publication/beyond-competition-how-europe-can-harness-the-uaes-energy-ambitions-in-africa>, accessed 20.02.2025.
- Samaan J.L. (2021). *The United Arab Emirates in Africa: The Partly Thwarted Ambitions of a New Regional Player*. IFRI, 25 pp. Available at: <https://coilink.org/20.500.12592/wxb8t1>, accessed 20.02.2025.
- Sharp J.M. (2024). *The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy*. Congressional Research Service, 23 pp. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf>, accessed 20.02.2025.
- Vasiliev A.M. (2022). Saudi Arabia. The Time of Troubles: Both Repression and “Liberalization”. *Asia and Africa Today*. No. 10, pp. 15–26 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750022717-0.
- Yousef T.M. (2022). Deepening Gulf Engagement with Sub-Saharan Africa. In: *Foresight Africa. Top priorities for the continent in 2022*. S. l.: Africa Growth Initiative, pp. 115–117. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/01/foresightafrica2022_fullreport.pdf, accessed 20.02.2025.